Не кричи: «Волки!»

Автор:
Фарли Моуэт

Не кричи: «Волки!»

Фарли Моуэт

По заданию Службы дикой природы Канады Фарли Моуэт отправляется на север страны, чтобы узнать, как волки влияют на сокращение поголовья оленей. Поначалу он полон страхов и предрассудков, но постепенно Моуэт привязывается к волчьему семейству. Георг, Ангелина, Дядюшка Альберт и их волчата – величественные, преданные и игривые, – оказываются совсем не похожи на традиционный образ жестокого серого хищника. На их фоне куда более жестоким и опасным выглядит человек.

Фарли Моуэт

Не кричи: «Волки!»

Never Cry Wolf – Copyright © Farley Mowat, 1973

Albus Corvus Russian language edition © 2019 All rights reserved

© Г. Топорков, перевод, 1968

© ООО Издательство «Альбус корвус», издание на русском языке, 2019

Предисловие

Когда одиннадцать лет назад я начал писать эту книгу, волку в ней была отведена второстепенная роль. Изначально я планировал сочинить сатиру о звере другого рода, а именно о странной мутации человеческого вида под названием Бюрократ. Волк должен был только служить фоном, на котором я выставлю homo bureaucratis – эту аномалию нашего времени, этого опутанного условностями, бездумно цепляющегося за всякую мелочь, одержимого мракобесием, барахтающегося в ерундовых фактах типажа, который при всем при том считает себя единственным законным носителем истинной правды и потому провозглашает себя вершителем судеб человеческих.

С таким недобрым умыслом я и приступил к работе, намереваясь выставить этих новых правителей нашего мира во всей красе, или, скорее, дать им возможность выставить самих себя. Но где-то в начале книги я обнаружил, что утратил всякий интерес к бюрократической буффонаде. Сам того не заметив, я все больше увлекался моим второстепенным персонажем – волком. В конце концов волк полностью завладел книгой, и она стала призывом понять и сохранить это удивительно высокоразвитое и привлекательное животное, которое человек, с его склонностью к ненависти и убийству, довел до грани вымирания.

Книга «Не кричи: “Волки!”» была холодно принята высокочтимыми авторитетами. У меня заведено никогда не позволять фактам препятствовать истине, и я верю, что юмор играет важную роль даже в строгих пределах науки. Из-за этого многие специалисты высмеяли мою книгу как сплошную выдумку и даже отказались верить, что в основе ее лежат два лета и одна зима, которые я провел в Арктике в обществе волков. Спустя столько времени мне приятно заметить, что почти все аспекты волчьего поведения, которые я описал, были подтверждены «официальной» наукой. К несчастью, мой главный довод – что волк не представляет угрозы другим обитателям дикой природы и никак не может соперничать с человеком – большинством так и не был признан.

В 1973 году несколько видов североамериканских волков – в том числе волк Великих Равнин, серый волк и рыжий волк – практически вымерли. Во всех континентальных Соединенных Штатах (не считая Аляски) насчитывается, вероятно, не больше тысячи двухсот волков. Из них около пятисот живут в Миннесоте, отчасти под защитой Национального парка Кветико; однако осенью 1972 года егерские службы Миннесоты предложили план по ежегодному уничтожению двухсот волков – с помощью оружия, силков, ловушек и яда, «пока угроза волка не будет устранена». На лесных просторах незаселенных регионов

Канады до недавнего времени обитало около пятнадцати тысяч волков разных видов. Но из-за все более частого использования легких самолетов, а также снегоходов в эти труднодоступные районы проникают толпы охотников, и неизбежно уменьшается поголовье лося, оленя, вапити и другой крупной дичи. Снова раздается знакомый призыв охотников, гидов, владельцев охотничьих баз и других финансово заинтересованных сторон: «Волки уничтожают дичь – дичь, которая принадлежит нам! Нужно срочно действовать, чтобы уничтожить волка».

Кто прислушивается к этим воплям? Правительство. В конце 1972 года, невзирая на советы биологов, министр природных ресурсов провинции Квебек выпустил приказ о массовом убийстве: он объявил соревнование среди канадских охотников с целью уничтожить пять тысяч волков! Самым удачливым охотникам обещали особый приз – нижнюю челюсть волка в блоке из прозрачного пластика с уместной подписью в знак вечной признательности убийце за его ловкость, храбрость и выносливость.

И все же у волков есть маленький луч надежды. В последнее десятилетие люди стали объединяться, чтобы противостоять этим волконенавистникам. Кое-чего уже удалось добиться. В основном благодаря настойчивым усилиям кучки людей, называющих себя «Лига волков Онтарио» (при поддержке биологов, которым интереснее изучать живых, а не мертвых животных), правительство Онтарио отменило чудовищную практику наград за волчью голову. Подобным образом группа, известная как «Канадские и американские защитники волков», уже почти заставила правительство Миннесоты отказаться от плана по уничтожению волков в штате.

Когда эту книгу издавали в Советском Союзе, возникли некоторые трудности с переводом названия. В конце концов остановились на таком варианте: «Волки, пожалуйста, не плачьте»[1 - Название книги на английском (Never Cry Wolf) можно интерпретировать по-разному: и как призыв не кричать понапрасну «Волки!», и как обращение к самому волку: «Не плачь, волк». В Советском Союзе перевод вышел под названием «Не кричи, волки!». Почему Ф. Моуэт решил, что русское название звучит как «Волки, пожалуйста, не плачьте», сейчас сложно сказать, однако он явно не возражал против такого прочтения. (Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. ред.)]. Я надеюсь, что это добрый знак. Быть может, еще не поздно помешать человечеству совершить еще одно преступление в длинном списке преступлений против природы – не дать ему стереть с лица земли создание, которое имеет по крайней мере равное право на

жизнь. Если нам и вправду удастся спасти волка, это будет в какой-то степени отказом от греха, присущего исключительно человеку, – от биоцида.

Фарли Моуэт

Мадленские острова

1973

Посвящается Ангелине – ангелу!

1

Проект canis lupus

Долгие годы и большое расстояние разделяют ванную комнату моей бабушки в Оквилле (Онтарио) и волчье логово в Бесплодных землях[2 - Бесплодными землями (Barren Lands или Barren Grounds) в Канаде принято называть районы тундры и лесотундры, простирающиеся на запад от Гудзонова залива до Большого Невольничьего озера и на север до Ледовитого океана. (Примеч. перев.)] Центрального Киватина. В мои намерения не входит описание всего жизненного пути, лежащего между этими точками. Но у всякого рассказа должно быть начало, поэтому историю моего житья-бытья среди волков следует начинать с бабушкиной ванной.

В пятилетнем возрасте я не обнаруживал ни малейших признаков будущего призвания, тогда как у большинства одаренных детей они появляются значительно раньше. Возможно, именно огорчение, вызванное моей неспособностью хоть как-то проявить себя, побудило родителей отвезти меня в Оквилл. Там они подкинули незадачливого сына бабушке с дедушкой, а сами укатили отдыхать.

В оквиллском доме, носившем название «Живая изгородь», царил дух необычайной чопорности, и я там чувствовал себя не в своей тарелке. Мой двоюродный брат, постоянный обитатель дома, был немногим старше меня, но он уже твердо выбрал для себя профессию военного – собрал огромную армию оловянных солдатиков и целеустремленно готовился стать вторым Веллингтоном. Моя полная непригодность к роли Наполеона так его разозлила, что последовал разрыв всяких отношений между нами, если не считать самых официальных.

Моя бабка, валлийская аристократка, так никогда и не простившая мужу его скобяной торговли, относилась ко мне вполне терпимо, но я никак не мог преодолеть страха перед ней. Впрочем, ее боялись все, включая дедушку, который давненько нашел спасение в притворной глухоте. Целые дни дед проводил в большом уютном кожаном кресле, спокойный и невозмутимый, словно Будда, недоступный житейским бурям, проносившимся по коридорам «Живой изгороди». Однако могу поклясться, что он отлично слышал слово «виски», даже сказанное шепотом за три этажа от его комнаты.

В этом доме для меня не нашлось задушевного друга, и я стал повсюду бродить один, решительно отказываясь расходовать энергию на что-либо полезное; при желании любой заметил бы, что именно так и проявились мои будущие наклонности.

Однажды жарким летним днем я бесцельно брел вдоль сильно петлявшего ручейка, как вдруг вышел к пересохшей заводи. На дне ее, чуть прикрытые зеленым илом, лежали при последнем издыхании три сома. Рыбки заинтересовали меня. Палкой я вытащил их на берег и с нетерпением стал ждать конца, но сомы никак не хотели умирать. Только я решал, что они уже точно мертвы, как вдруг широкие, безобразные рты открывались еще для одного вздоха. Столь упорное нежелание подчиниться судьбе так потрясло меня, что я нашел консервную банку, положил туда сомов, прикрыл илом и понес домой.

Рыбки начинали мне нравиться, и я страшно захотел узнать их поближе. Только вот вопрос – где их держать, пока крепнет наша дружба? Стиральных корыт в «Живой изгороди» нет; есть, правда, ванна, но пробка плохо подходит и не держит воду. Настало время ложиться спать, а я все еще не решил проблему, хотя и понимал, что даже такие стойкие рыбы вряд ли выдержат целую ночь в консервной банке. Пришлось мне решиться на отчаянные меры и обустроить рыбкам временное пристанище в унитазе бабушкиного старомодного туалета.

Я был тогда слишком мал и не мог понимать всех специ- фических особенностей, которые присущи старости. Одна из них и послужила непосредственной причиной неожиданного и весьма драматического столкновения между бабушкой и рыбами, происшедшего глубокой ночью.

Переживание оказалось слишком сильным и для бабушки, и для меня, и, вероятно, для сомов тоже. До конца своей жизни бабушка в рот не брала рыбы и, отправляясь в ночные странствия, неизменно вооружалась электрическим фонариком. Признаться, я так и не знаю, какой эффект это событие произвело на сомов, так как мой жестокий кузен безжалостно спустил воду, едва тревога улеглась. Что касается меня самого, то это происшествие послужило первым толчком к моему увлечению малыми тварями, которое сохранилось и поныне. Одним словом, приключение с сомами положило начало моей карьере натуралиста и биолога. Так начался путь, который привел меня в волчье логово.

Мое увлечение животным миром вскоре перешло в настоящую страсть. Мне казалось, что и люди, разделяющие мою любовь к природе, тоже совершенно исключительные личности. Моим первым наставником был шотландец средних лет, который развозил лед и тем самым зарабатывал на жизнь, но страстно увлекался изучением млекопитающих. В раннем детстве бедняга перенес чесотку или еще какую-то другую болезнь; в результате у него вылезли все волосы. Возможно, именно из-за этой трагедии он ко времени нашей встречи целых пятнадцать лет своей жизни посвятил изучению связи между летней линькой и склонностью к нарциссизму у гоферов. Этот человек сумел настолько приручить пугливых зверьков, что свистом вызывал их из норок и не торопясь осматривал шерсть на спинках.

Не меньший интерес представляли ученые-биологи, с которыми мне довелось встретиться позже. Когда мне исполнилось восемнадцать, я целое лето вел полевые наблюдения под руководством весьма почтенного специалиста по млекопитающим. Семидесятилетний ученый оказался до отказа набитым всякими учеными степенями, причем своим высоким положением в мире науки был обязан главным образом неустанным исследованиям маточных рубцов у землероек. Да, этот уважаемый профессор крупного американского университета знал о матке землероек больше кого бы то ни было другого. К тому же он мог бесконечно говорить на излюбленную тему. До самой смерти мне не забыть один вечер, когда маститый ученый перед лицом весьма разнородной аудитории (состоявшей из торговца пушниной, почтенной индейской матроны из племени кри и англиканского миссионера) разразился вдохновенным часовым

монологом о половых отклонениях у самок бурозубки-крошки. (Торговец в первый момент неправильно понял смысл лекции, но миссионер, привыкший к скучным проповедям, быстро разъяснил ему, в чем дело.)

Первые годы увлечения естествознанием пролетели незаметно. Но вот наступила пора зрелости, и, когда стало ясно, что прежняя забава должна стать профессией, я почувствовал себя загнанным в клетку. Кончились беззаботные дни, когда я как ученый-универсал мог интересоваться сразу всеми областями естественной истории. Чтобы стать хорошим биологом, надо было столкнуться с малоприятной необходимостью специализации. Я все это отлично понимал, и все-таки в начале университетского курса мне было очень трудно выбрать узкую стезю.

Одно время я всерьез собирался пойти по стопам одного приятеля, который специализировался на скатологии (то есть изучении экскрементов животных) и впоследствии стал весьма уважаемым скатологом Биологической службы США. Предмет показался мне довольно увлекательным, но все же не захватывал настолько, чтобы я мог посвятить ему всю свою жизнь. А кроме того, в эту область науки стремилось слишком много желающих.

Пожалуй, больше всего меня привлекало изучение живых существ в естественной среде. Я парень простой, и слово «биология», означающее изучение жизни, понимал буквально. Я был искренне озадачен тем, что мои сверстники бежали как черт от ладана от всего живого, радовались возможности укрыться в стерильной атмосфере лабораторий и корпеть там над мертвым материалом. По правде говоря, в мое время в университете считалось немодным возиться с животными – не только с живыми, но и с мертвыми. Ученые-биологи зарылись в статистические и аналитические исследования, в то время как сама жизнь служила лишь пищей для вычислительных машин.

Неумение приспосабливаться к новым течениям отрицательно сказалось на моей научной карьере. Все студенты очень рано приобрели различные загадочные специальности, которые они изобретали исходя из теории, что единственному специалисту в редкостной отрасли нечего бояться конкуренции. Я же по-прежнему не мог переключиться с общего на частное. Приближался выпуск, и оказалось, что большинству моих однокурсников уже уготованы тепленькие местечки в исследовательских учреждениях. Только я не мог предложить ничего достаточно привлекательного для биологического рынка. Поэтому мне суждено было поступить на государственную службу.

Жребий был брошен в одно прекрасное зимнее утро, когда почтальон вручил мне вызов Службы изучения животного мира Канады[3 - Служба изучения животного мира Канады с 1936 по 1950 год входила в состав Министерства по горнорудной промышленности и природным ресурсам. Сейчас является частью Министерства окружающей среды Канады.]. В нем сообщалось, что я принят на «щедрый» оклад в 120 долларов в месяц и должен немедленно явиться в Оттаву.

Пришлось подчиниться властному приказу и подавить в себе остатки мятежного духа. Ведь за годы учебы я превосходно усвоил, что иерархия в науке требует от своих служителей если не подхалимства, то уж, во всяком случае, полной покорности.

Через два дня я прибыл в открытую всем ветрам серую столицу Канады и в лабиринте темных коридоров вместительного здания отыскал Службу изучения животного мира. Там я представился главному териологу, который оказался моим школьным товарищем. Увы, беззаботные дни детства миновали, и теперь предо мной сидел махровый чинуша, настолько преисполненный чувства собственного достоинства, что я с трудом удержался от почтительного поклона.

Мне предоставили несколько дней для так называемого ознакомления; по-моему, штука эта придумана, чтобы довести человека до безнадежного отчаяния и сделать его уступчивым. Во всяком случае, легионы ученых-педантов, которых я посетил в их мрачных, пропахших формалином каморках – там они бесконечные часы обрабатывают скучнейшие данные или составляют никому не нужные служебные записки, – отнюдь не вдохновили меня. За это время я твердо усвоил лишь одно: в отличие от бюрократической иерархии научная иерархия Оттавы больше смахивает на анархию.

Окончательно я в этом убедился в тот достопамятный день, когда я был признан годным для инспекционного смотра и торжественно препровожден к заместителю министра. Должен признаться, я так растерялся, что имел наглость назвать его просто «мистер». Сопровождавший меня начальник, побледнев от страха, мгновенно выставил меня из зала аудиенций и окольными путями провел в мужской туалет. Там он прежде всего присел на корточки и поочередно заглянул под двери всех кабинок, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, а затем зловеще прошептал: «При обращении к заместителю министра никогда, под страхом изгнания, не смейте называть его иначе как “шеф” или, еще лучше, “полковник”, в память об Англо-бурской войне, в которой

ему довелось участвовать!»

К слову сказать, военные звания в этом гражданском ведомстве считаются большим шиком. Все документы подписываются обязательно с указанием чина: капитан такой-то, лейтенант такой-то (если они исходят от младших чинов) или полковник имярек, бригадир имярек (если документ спускается сверху). Сотрудники, которым не представилось случая приобрести хотя бы псевдовоенную профессию, вынуждены были сами сочинять себе подходящие звания: штаб-офицерские – для пожилых и субалтернские – для молодежи. К сожалению, не все относились к этому с должной серьезностью. Я знал одного новичка из ихтиологического отдела, который вскоре прославился тем, что докладную записку на имя шефа подмахнул следующим образом: «Д. Смит, исполняющий обязанности ефрейтора». Через неделю отчаянный юнец был уже на пути к самой северной оконечности острова Элсмир, где ему предстояло ютиться в и?глу, влачить жизнь изгнанника и заниматься изучением биологии девятииглой колюшки.

Легкомыслие не встречает благосклонного отношения в аскетически суровых канцеляриях. Мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте во время совещания, на котором обсуждалось мое первое задание.

Чиновники с мрачными минами обступили стол и склонились над списком необходимого снаряжения, который надлежало обсудить и утвердить. Это был солидный документ, согласно инструкции отпечатанный в пяти экземплярах и внушительно озаглавленный:

«ЗАЯВКА НА МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СНАБЖЕНИЕ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ПО ВОЛКАМ»

И без того обеспокоенный внушительностью этого собрания, я окончательно потерял голову, когда почтенные мужи перешли к обсуждению двенадцатого пункта этого ужасающего списка:

Бумага туалетная, государственный стандарт: двенадцать рулонов

Резкое замечание представителя финансового отдела, что по этой статье возможна экономия, если полевая партия (состоявшая из меня одного) будет проявлять должную воздержанность, вызвало у меня истерический смешок. Правда, я почти моментально подавил его, но, увы, слишком поздно. Двое из присутствующих, старшие по званию – оба «майоры», – молча поднялись, холодно поклонились и вышли из комнаты.

Оттавское испытание подходило к концу, но его кульминационная точка была еще впереди. Как-то рано утром я был вызван в кабинет своего непосредственного начальника для заключительной беседы «перед отъездом в поле».

Шеф восседал за покрытым пылью массивным письменным столом, на котором в беспорядке валялись пожелтевшие черепа сурков (со времени поступления в министерство – а это было в 1897 году – он занимался определением скорости разрушения зубов у этих грызунов). На стене висел портрет хмурого бородатого ученого; представитель вымершей школы по изучению млекопитающих неприязненно взирал на меня. Пахло формалином – этот запах ассоциировался с тошнотворным ароматом задних помещений похоронного бюро.

После длительного молчания, во время которого он зловеще поигрывал в руках черепом сурка, шеф наконец приступил к инструктажу:

– Как вам известно, лейтенант Моуэт, проблема Canis lupus приобрела общенациональное значение. За один только прошлый год наше министерство получило не менее тридцати семи меморандумов от депутатов парламента, и все они от имени избирателей настойчиво требуют принять меры против волков. В большинстве случаев жалобы исходят от таких мирных и незаинтересованных общественных организаций, как рыболовные и охотничьи клубы. Что же касается деловых кругов, преимущественно крупных фабрикантов оружия, то их поддержка придает особый вес законным протестам избирателей, граждан нашей великой страны. Претензии сводятся к тому, что волки уничтожают оленей, поэтому все больше наших сограждан ездят на охоту и все реже привозят богатую добычу.

Вы, очевидно, знаете, – продолжал шеф, – что мой предшественник подготовил для министра справку, в которой резкое сокращение поголовья оленей объяснялось ростом числа охотников (по его данным, на каждого оленя приходится пять человек). Министр, поверив ему на слово, начал было

зачитывать этот позорный документ в палате общин, но его быстро заставили замолчать криками «Лжец!», «Волчий прихвостень!». Через три дня моему предшественнику пришлось оставить государственную службу, а министр выступил в печати со следующим заявлением: «Министерство горнорудной промышленности и природных ресурсов намерено сделать все возможное, чтобы положить конец кровавой резне оленей, чинимой стаями волков. Всестороннее расследование этой жизненно важной проблемы с привлечением всех имеющихся в распоряжении министерства сил и средств будет заведено немедленно. Население Канады может быть уверено, что правительство, членом которого я имею честь являться, примет все меры для устранения нетерпимого положения».

С этими словами шеф взял со стола самый крупный череп сурка и начал ритмически пощелкивать его челюстями, как бы подчеркивая значимость заключительных фраз:

– Вам, лейтенант Моуэт, предстоит осуществить этот великий подвиг. Вам надлежит немедленно отправиться в поле и энергично взяться за работу в духе лучших традиций нашего министерства. Помните, лейтенант Моуэт, волки – это теперь ваша проблема!

Оправившись, я поднялся, но, прежде чем выскочить из комнаты, невольно встал по стойке смирно, вскинул правую руку вверх и лихо отсалютовал.

В тот же день я вылетел из Оттавы на транспортном самолете канадских военно-воздушных сил. Местом моего назначения пока был Черчилль на западном побережье Гудзонова залива, но значительно дальше, где-то в пустынных просторах субарктических Бесплодных земель, меня ждала конечная цель – встреча с волками.

2

«Волчий сок»

Двухмоторный военно-транспортный самолет, рассчитанный на тридцать пассажиров, был так забит моим снаряжением, что в нем едва хватило места для меня самого и членов экипажа. Пилот, симпатичный лейтенант с усами, загнутыми точно велосипедный руль, с изумлением наблюдал за погрузкой. Он знал лишь, что я какой-то правительственный агент и направляюсь в Арктику по специальному заданию. Выражение любопытства на его лице усиливалось по мере того, как в кабину стали запихивать необычный багаж: три большие связки лязгающих волчьих капканов и среднюю секцию разборной лодки, которая походила на ванну с отрезанными концами. (В лучших министерских традициях, носовая и кормовая части каноэ были отгружены другому биологу, который изучал гремучих змей в безводной пустыне Южного Саскачевана.)

Затем на борт приняли мое оружие – две винтовки, револьвер с кобурой и поясом-патронташем, два дробовика и ящик со слезоточивыми гранатами; последние предназначались для того, чтобы выгонять волков из их логовищ под верный выстрел. Тут же были два больших генератора дыма с броской надписью «ОПАСНО!». Предполагалось, что с их помощью я смогу подать сигнал бедствия, в случае если заблужусь или попаду в безвыходное положение (например, буду осажден волками). Грозный арсенал завершался ящиком, в котором находился «истребитель волков» – дьявольское изобретение, посылающее заряд цианистого калия прямо в пасть любому зверю, который попытается отведать приманку.

Затем последовало научное снаряжение, включающее два двадцатилитровых бидона, при виде которых брови пилота вовсе ушли под козырек фуражки. На бидонах значилось: «Абсолютный спирт для консервирования желудков».

Наконец, вереницей потянулись палатки, примусы, спальные мешки, связка из семи топоров (до сих пор не понимаю, почему именно семь? Ведь я ехал в совершенно безлесную страну, где и одного топора более чем достаточно), лыжи, снегоступы, собачья упряжь, радиостанция и бесчисленное количество ящиков и тюков, содержимое которых даже для меня было совершенной загадкой.

Когда все было уложено и надежно закреплено веревками, пилот, второй пилот и я кое-как перелезли через гору груза и втиснулись в кабину. Летчик, привыкший по службе к военным тайнам, сумел подавить жгучее любопытство, вызванное непонятным назначением столь странного снаряжения, и ограничился мрачным замечанием:

– Вряд ли эта старая развалюха взлетит с такой кучей на борту.

По правде говоря, я тоже сильно сомневался, но самолет с невероятным грохотом и скрипом все же оторвался от земли.

Полет на север продолжался долго и не был богат событиями, если не считать того, что над заливом Джеймса заглох один мотор и остальной путь мы летели на высоте двести метров в довольно густом тумане. Эти «мелкие» неприятности временно отвлекли пилота от раздумий о том, кто же я такой и для чего послан. Но едва мы приземлились в Черчилле, как его прорвало.

– Конечно, это не мое собачье дело, – начал он извиняющимся тоном, пока мы шагали к ангару, – но, бога ради, дружище, в чем дело?

– Ничего особенного, – бодро ответил я, – просто мне предстоит провести годик-другой в компании волков, вот и все!

Пилот состроил гримасу – точь-в-точь как мальчишка, которого выбранили за назойливость.

– Виноват, – пробормотал он покаянно, – ведь знаю, что никогда не надо спрашивать.

Но не только экипаж самолета проявлял повышенный интерес к моей персоне. В Черчилле все мои попытки договориться о небольшом самолете, который забросил бы меня в глубь тундры, ни к чему не привели. Не помогли ни правдивые объяснения целей экспедиции, ни честное признание того, что я не имею ни малейшего понятия, в какой именно части неизведанных диких земель я хотел бы высадиться. Мои оправдания вызывали либо настороженное недоверие, либо заговорщическое подмигивание. А между тем я вовсе не старался нарочно уклоняться от ответа. Я старался лишь точно следовать приказу, врученному мне перед отъездом из Оттавы:

§

Разд. (С)

Подпункт (III)

Тотчас по прибытии в Черчилль вам надлежит зафрахтовать самолет и следовать дальше в соответствующем направлении на нужное расстояние. Вы должны организовать базу в том месте, где с уверенностью можно рассчитывать на достаточное количество волков и где будут вполне благоприятные условия для работы.

Тон приказа был весьма решительный, однако в нем явно отсутствовали конкретные указания. Ничего удивительного, что добрая половина населения Черчилля решила, что я принадлежу к банде грабителей золота и пытаюсь выйти на связь со своими сообщниками, тогда как другие увидели во мне старателя какого-то неведомого прииска, затерянного в бескрайних просторах Бесплодных земель. Позднее на смену этим версиям пришла третья, еще более захватывающая. Позже, по возвращении в Черчилль после длительного отсутствия, я с изумлением узнал, что истинную цель моего похода наконец разоблачили: оказывается, все эти месяцы я плавал на льдине вокруг Северного полюса и следил за деятельностью группы русских, дрейфовавших рядом на другой льдине. Оба бидона спирта или, как здесь полагали, водки предназначались якобы для того, чтобы развязать языки томимых жаждой русских и выведать у них самые сокровенные секреты.

После того как эта сногсшибательная версия облетела город, я стал местной знаменитостью. Но все это случилось гораздо позже, а сейчас, впервые прилетев в Черчилль, я уныло шагал на пронизывающем ветру по улицам города, доверху засыпанного снегом. Тщетно обивал я пороги в поисках летчика, который согласился бы доставить пассажира в неизвестном направлении. Я еще не стал героем, и никто не хотел помочь незнакомому чудаку.

Спустя какое-то время мне наконец удалось найти пилота, летавшего на древнем как мир «Фэйрчайлде», поставленном на лыжи. Он зарабатывал на жизнь перевозкой трапперов[4 - Трапперы – охотники на пушного зверя в Северной Америке.] в дальнюю тундру в уединенные промысловые избушки. Когда я выложил перед ним, что от него требуется, он рассвирепел.

– Послушай, малый, – заорал он, – только психи нанимают самолет неизвестно куда и только психу может взбрести в голову, что парень вроде меня всерьез

поверит, будто ты хочешь пожить бок о бок со стаей волков! Поищи- ка себе другого воздушного извозчика, понял? Мне некогда валять дурака.

Нужно же было такому случиться, что в Черчилле, этом унылом городишке лачуг, в тот момент не оказалось других воздушных извозчиков, хотя незадолго до моего приезда их было трое. Один из них немного не рассчитал, когда садился на лед Гудзонова залива в надежде подстрелить белого медведя. В итоге медведь оказался единственным оставшимся в живых участником охоты. Второй летчик находился в Виннипеге, где надеялся подсобрать денег на покупку нового самолета – у прежнего при взлете отвалилось крыло. Ну а третьим был, разумеется, тот, которому «некогда валять дурака».

Поскольку я оказался бессилен выполнить приказ, мне не оставалось ничего иного, как запросить по радио из Оттавы новые распоряжения. Ответ пришел быстро – через каких-нибудь шесть дней.

НЕВОЗМОЖНО ПОНЯТЬ ВАШИ ЗАТРУДНЕНИЯ ТЧК ИНСТРУКЦИИ СОВЕРШЕННО ЯСНЫ ТЧК ПРИ ТОЧНОМ ВЫПОЛНЕНИИ ТРУДНОСТИ ИСКЛЮЧЕНЫ ТЧК ПОСЫЛАТЬ СЛУЖЕБНЫЕ РАДИОГРАММЫ В МИНИСТЕРСТВО ПО ИНСТРУКЦИИ СЛЕДУЕТ ЛИШЬ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОВТОРЯЕМ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ ДЕСЯТИ СЛОВ ТЧК ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ ОЖИДАЕМ ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ И РАССЧИТЫВАЕМ ЧТО ЗА ЭТОТ СРОК ВЫ УСТАНОВИТЕ ТЕСНЫЙ КОНТАКТ С КАНИС ЛУПУС ТЧК РАДИОГРАММЫ ЗА СЧЕТ МИНИСТЕРСТВА НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ ДЕСЯТИ СЛОВ ЗПТ СЛЕДУЕТ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ ТОЛЬКО ВАЖНЕЙШИМИ СООБЩЕНИЯМИ ИЗЛОЖЕННЫМИ ПРЕДЕЛЬНО СЖАТО ТЧК КАК ПОНИМАТЬ ЧТО У ВАС ТОЛЬКО ПОЛОВИНА КАНОЭ ТЧК СТОИМОСТЬ ВАШЕЙ РАДИОГРАММЫ БУДЕТ УДЕРЖАНА ИЗ ЖАЛОВАНЬЯ

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПО РАСТРАТАМ И ХИЩЕНИЯМ.

Ясно. Делать нечего – оставалось ждать возвращения пилота, уехавшего в Виннипег. Жил я в местном отеле – скрипучем сарае, сквозь его щели в ветреные дни наметало немало снега. Впрочем, других дней в Черчилле не бывает.

И все же я не бездельничал. В то время город был наводнен миссионерами, проститутками, полицейскими, торговцами спиртными напитками, трапперами, контрабандистами, скупщиками мехов и прочими весьма занимательными личностями. Все они оказались величайшими знатоками по волчьей части. Я беседовал то с одним, то с другим и старательно записывал все, что мне говорили. Таким путем я узнал совершенно изумительные факты, которые никогда еще не отмечались в научной литературе. Так, например, выяснилось, что, хотя, по единодушному мнению, в арктической зоне от волков ежегодно гибнет несколько сотен людей, волки никогда не нападают на беременных эскимосок. (Миссионер, сообщивший мне столь ценные сведения, был твердо убежден, что именно отвращением волков к мясу беременных женщин объясняется высокий коэффициент рождаемости у эскимосов, в свою очередь ведущий к прискорбной склонности последних скорее заботиться о продлении рода, чем о спасении души.) Мне рассказывали также, что каждый четвертый год волки подвержены странной болезни, из-за которой напрочь сбрасывают шкуру. Пока им приходится бегать «голышом», они настолько беспомощны, что немедленно свертываются в клубок, если подойти к ним вплотную. По утверждению охотников, волки вскоре окончательно уничтожат оленьи стада – ведь каждый волк ежегодно режет несколько тысяч карибу[5 - Карибу – название североамериканских подвидов северного оленя.], просто так, из кровожадности, тогда как ни один траппер и подумать не смеет о том, чтобы застрелить карибу, разве что в порядке самозащиты. А одна из дам, работавших в городе, обогатила мои знания другим странным сообщением: по ее словам, с тех пор как здесь создана американская авиационная база, количество волков перешло всякие границы и теперь остается один выход – если тебя укусят, отвечать тем же.

Вскоре после того, как я начал свои расспросы, один из моих собеседников, старый охотник, предложил мне отведать «волчьего сока», если уж я такой энтузиаст волковедения. Я ответил, что выпивка как таковая меня не прельщает, но меня интересует все, что относится к волкам, поэтому я, как ученый, просто обязан попробовать, что это такое. Тогда старик привел меня в единственный в Черчилле пивной бар (который в обычных условиях я обходил бы стороной) и налил стаканчик. Напиток оказался адской смесью из бурды, известной в здешних местах под названием пива «Лось», и антифриза, добытого у солдат с авиационной базы.

Тотчас после крещения «волчьим соком» я отправил простым письмом свой первый отчет о работе, который (к счастью для моей дальнейшей службы в министерстве) оказался совершенно не поддающимся расшифровке. Никто

в Оттаве не смог в нем разобраться, поэтому отчет был признан верхом научной мысли. Я уверен, что это бредовое сочинение и посейчас хранится в архиве министерства и к нему обращаются правительственные специалисты, когда появляется необходимость в экспертных данных о волках. Кстати, всего месяц назад я встретил одного биолога, которому довелось видеть отчет; по его уверениям, многие крупные ученые до сих пор считают, что это – последнее слово науки о Canis lupus.

За время вынужденного пребывания в Черчилле мне удалось не только собрать массу интереснейших сведений о волках, но и сделать самостоятельное открытие, которое, с моей точки зрения, имело весьма большое практическое значение: я обнаружил, что, если слегка разбавить мой лабораторный спирт пивом упомянутой марки «Лось», то получается напиток, который не уступит не только «волчьему соку», но и божественному нектару. Поэтому я спешно добавил к своим продовольственным запасам пятнадцать ящиков пива. Кроме того, я запасся достаточным количеством формалина – в нем, как подтвердит любой препаратор, ткани мертвых животных сохраняются ничуть не хуже, чем в чистом спирте.

3

Счастливо оставаться

В последних числах мая мне наконец удалось выбраться из осточертевшего Черчилля. Перед этим в течение трех суток бушевала пурга; на третий день, когда слепящие снежные шквалы свели видимость к нулю, над самой крышей отеля проревели моторы. Самолет плюхнулся на лед ближнего озерка. Ветер едва не понес его дальше, но несколько человек, сидевших в пивном баре, в том числе и я, успели вовремя выскочить и ухватиться за крылья.

Это была донельзя изношенная двухмоторная учебная машина образца 1938 года, отработавшая все мыслимые сроки и в конце концов списанная военным ведомством. Теперь эта развалина ожила в руках бывшего английского военного летчика, долговязого малого с ввалившимися глазами, одержимого манией открыть собственную авиалинию на севере Канады. Пилот вылез из своей скрипучей колымаги, которую мы с трудом удерживали на месте, и, сняв

длиннющий светло-вишневый шелковый шарф, которым он обматывал лицо, представился. По его словам, он летел из Йеллоунайфа, что находится в тысяче с лишним километров к северо-западу отсюда, в Пас.

– Ведь это Пас? – с надеждой спросил он.

Мы деликатно намекнули ему, что Пас лежит приблизительно в шестистах километрах к юго-западу. Однако такая неожиданность ничуть не обескуражила летчика.

– А, ладно – любой добрый старый порт хорош в шторм, – весело сказал он и в сопровождении своего медлительного бортмеханика направился вместе с нами в пивной зал.

За кружкой пива я горько пожаловался ему на свои невзгоды.

– Пустяки, – заявил летчик, внимательно выслушав меня, – завтра же заправим старичка и доставим вас куда душе угодно. Скажем, на северо-запад. Это лучший курс для нас. На других румбах компасу нельзя доверять. Полетим быстро и низко. Найдем кучу волков, тогда – на посадку, и счастливо оставаться!

Он оказался хозяином своего слова. Правда, в ближайшие три дня улететь не удалось – во-первых, из-за очень низкой облачности, во-вторых, самолет, поставленный на лыжи, сильно «хромал» – протекал правый цилиндр гидравлического амортизатора шасси. С погодой мы, разумеется, ничего не могли поделать, но цилиндр-то можно заставить работать. Бортмеханик решил накачать его тюленьим жиром. Честно говоря, тек он по-прежнему, но все же в течение двадцати минут самолет стоял прямо, пока не валился на бок, как подстреленная утка.

На четвертый день собрались в путь. Самолет мог поднять лишь небольшой груз, и мне пришлось пожертвовать частью поклажи, в том числе никому не нужной ванной-каноэ. Вместо нее удалось выменять за галлон спирта брезентовую лодку, находившуюся в приличном состоянии. Пилот уверял, что сможет ее увезти, привязав под брюхо самолета.

Тогда я решился на дерзкий трюк. Естественно, что ящики с полюбившимся мне пивом «Лось» попали в кучу багажа, который был отложен как несущественный.

Но мне пришло в голову обмануть этого славного парня. Ночью, посветив себе электрическим фонариком, я убедился, что все пятнадцать ящиков отлично умещаются в брезентовой лодке. Когда я снова крепко притянул ее веревками к фюзеляжу, абсолютно никто не мог заметить, что в ней спрятан жизненно важный груз.

День нашего отлета выдался чудесный. Скорость ветра не превышала шестидесяти километров в час, снегопад прекратился. Взлетев в черном морском тумане, мы сразу потеряли из вида Черчилль и, развернувшись, пошли на северо-запад.

Правда, все начиналось не так гладко. Во время недавней оттепели лыжи самолета сантиметров на пять ушли в снежную слякоть, а затем накрепко примерзли ко льду. Первые попытки взять разгон не увенчались успехом; оба мотора надсадно ревели на предельных оборотах, но самолет не трогался с места. Такое упрямство в одинаковой степени озадачило и летчика, и механика. И только после того, как из бара выбежало несколько завсегдатаев, которые, стараясь перекричать адский грохот моторов, показывали на наши лыжи, мы поняли, в чем заключалась загадка. С помощью добровольцев из пивной нам удалось раскачать и освободить самолет. Но произошла очередная задержка – неисправный цилиндр успел осесть, и потребовалось зарядить его новой порцией тюленьего жира.

Освобожденный для разбега самолет вновь поразил своего хозяина – на этот раз он решительно отказывался подняться в воздух. Мы катили по маленькому озерку на полном газу, но никак не могли оторваться. В последний момент летчик резко рванул штурвал, самолет описал на лыжах крутую дугу, подняв тучу снега, которая чуть было не погребла нас, и мы, несколько озадаченные, оказались на месте старта.

– Чертовски странно, – пробормотал летчик, – самолет должен был взлететь, понимаете, должен. А, ладно! Снимем запасное горючее и облегчим вес.

Резервные бочки с бензином были взяты на борт для обеспечения обратного рейса до Черчилля, и, по-моему, выбрасывать их было несколько опрометчиво. Но так как командовал он, то мне оставалось только молчать.

После того как мы выгрузили запасное горючее, летчик с первой же попытки поднял машину в воздух, разумеется, предварительно накачав злополучный цилиндр. Но даже родная стихия не доставила самолету особого удовольствия. Скорее наоборот, он упорно отказывался подняться выше ста метров, а указатели оборотов обоих моторов неуклонно показывали примерно три четверти законной нормы.

– Нет никакой нужды забираться выше, – весело прокричал летчик прямо мне в ухо, – иначе не увидим волков! А ну-ка, откройте глаза пошире…

Вытянув шею, я смотрел во все глаза и тщетно пытался что-нибудь разглядеть сквозь мутный, исцарапанный плексигласовый иллюминатор. Самолет шел в густом сером облаке, порой даже скрывался конец крыла. Волков я не видел, никаких признаков волков.

Мы жужжали уже около трех часов. С таким же успехом можно было провести их на дне бочки с черной патокой – впечатление от мира, расстилавшегося под нами, осталось бы таким же. Но вот летчик перешел в крутое пике и прокричал:

– Иду на посадку! Бензина осталось в обрез на обратную дорогу. Впрочем, под нами чудесная волчья страна. Волки что надо!

Мы вынырнули из-под облака в десяти метрах от земли и обнаружили, что летим над замерзшим озером в долине шириной около полутора километров, окруженной высокими скалистыми холмами. Ни секунды не колеблясь, летчик приземлился. И если раньше я сомневался в его летных способностях, то теперь мог только восхищаться его искусством – ведь он умудрился сесть на одну исправную лыжу. Только когда самолет почти окончательно потерял скорость, пилот осторожно поставил его на больную правую «ногу».

Он не стал глушить моторы.

– Приехали, приятель, – весело сказал он, – вам выходить. И побыстрее. А то стемнеет, прежде чем мы доберемся до Черчилля.

Тут сонный на вид механик воспрянул духом, и мгновенно (во всяком случае, мне так показалось) все мое снаряжение очутилось на льду. Брезентовое каноэ отвязали от фюзеляжа и вновь до отказа накачали цилиндр амортизатора.

Увидев содержимое каноэ, летчик бросил на меня укоризненный взгляд.

– Не совсем честно, а? – спросил он. – Ну ладно, предположим, что вам без этого не обойтись. Хорошенький подвесок, ничего не скажешь. Как-нибудь осенью вернусь за вами, если мой драндулет не развалится. Не унывайте! Вокруг полно эскимосов – они в любое время доставят вас в Черчилль.

– Большое спасибо, – смиренно пролепетал я. – Но не можете ли вы сказать, где я все-таки нахожусь, – мне это понадобится для отчета.

– Весьма сожалею. Сам не очень-то уверен. Скажем, примерно в пятистах километрах к северо-западу от Черчилля. Достаточная точность? Все равно карты этих мест не существует… Счастливо!

Дверца кабины захлопнулась. Моторы взревели во всю мощь, как им и положено, самолет запрыгал по неровному льду, нехотя поднялся и исчез в хмуром небе.

Вот я и прибыл на место назначения.

4

Когда волк – не волк

Я огляделся и увидел вокруг промерзшие холмы – их вершины были закрыты тучами, увидел широкую полосу торосистого льда и раскинувшуюся за долиной волнистую тундру, пустынную, без единого деревца. Да, кажется, я и впрямь попал в самую настоящую страну волков. Я уже чувствовал множество волчьих глаз, которые настороженно следят за мной. Я зарылся в гору багажа, отыскал револьвер и постарался критически оценить свое положение.

Оно было не из блестящих. Правда, мне – бесспорно – удалось проникнуть в самое сердце Бесплодных земель Киватина. Кроме того, создано даже некоторое подобие базы, хотя ее местоположение – на льду озера, вдали от берега – оставляет желать лучшего. Как бы то ни было, до сих пор я строго

придерживался инструкции. Но вот со следующим пунктом оперативного приказа была одна загвоздка:

§ 3

Разд. (С)

Подпункт (IV)

Немедленно по организации постоянной базы вам надлежит, используя водные пути, отправиться на каноэ в широкий объезд окружающей территории с целью общего ознакомления и сбора достаточных статистических сведений о численности Canis lupus и области их распространения, а также для установления непосредственного контакта с изучаемым объектом…

Я и рад бы действовать согласно инструкции, но что-то мне подсказывало (наверное, толстый лед под ногами), что плавание на каноэ придется отложить по крайней мере на несколько недель, а возможно, и навсегда. К тому же, лишенный других средств транспорта, я просто не знал, как начать перевозку целой груды снаряжения на твердую землю. Что же касается «установления контакта с объектом изучения», то сейчас это едва ли было выполнимо, если только сами волки не проявят инициативы.

Как быть? Ведь инструкция составлялась специально для меня после консультации с метеорологической службой. Там мое начальство заверили, что к намеченному сроку моего прибытия в центральную тундру озера и реки «обычно» очищаются ото льда.

Еще в Оттаве я твердо усвоил правило: никогда не оспаривать сведений, исходящих от других министерств; а если полевые работы, основанные на этой информации, срываются, то виноват, без сомнения, полевой работник.

В создавшемся положении оставался только один выход: несмотря на обескураживающий ответ на мою первую радиограмму, просить новых указаний из Оттавы.

Я мгновенно распаковал портативную радиостанцию и водрузил ее на штабель ящиков. Должен признаться, что раньше у меня как-то не хватало времени, чтобы ознакомиться с аппаратурой. Поэтому сейчас, перелистав приложенное руководство, я несколько растерялся: меня снабдили моделью, предназначенной для лесников, радиус ее действия в нормальных условиях не превышал тридцати километров. Тем не менее я присоединил батареи, поднял антенну и, согласно инструкции, принялся вертеть ручки и нажимать кнопки, словом – вышел в эфир.

По причинам, известным лишь Министерству транспорта, которое выдает разрешения на переносные рации такого типа, мои позывные были «Дэйзи Мей». Несколько часов кряду несчастная Дэйзи посылала отчаянные призывы в темнеющее приполярное небо, но – ни шепота в ответ. Я уж совсем было согласился с приведенной в руководстве весьма скептической оценкой рации и собирался прекратить бесплодные попытки, как вдруг уловил слабый человеческий голос, едва слышный сквозь свист и треск в наушниках. Я поспешно настроился на волну, но никак не мог разобрать слов, пока не догадался, что говорят по-испански.

Я понимаю, что мое дальнейшее повествование может вызвать недоверчивую улыбку читателей, но так как я сам абсолютно не смыслю в радиотехнике, то мне остается лишь привести объяснение, данное позднее одним экспертом. Добавлю также, что ни один рядовой биолог, и я в том числе, ни за что не сумел бы выдумать такой истории. Техническая сторона вопроса сводилась к загадочному явлению, известному под названием «дальнее прохождение»: в результате определенного сочетания атмосферных условий маломощные радиостанции (особенно на Севере) иногда осуществляют связь на очень большое расстояние. Моя установка побила все рекорды. Станция, которую я поймал, принадлежала радиолюбителю в Перу.

Его английский язык был не лучше моего испанского, и прошло немало времени, прежде чем мы начали понимать друг друга. Но и после этого он остался при убеждении, что с ним говорят откуда-то с Огненной Земли. Я совершенно вымотался, пока наконец столковался с перуанцем. Он записал основной смысл моего сообщения и обещал переслать его в Оттаву по обычным каналам связи. Памятуя недавнее суровое предупреждение, я свел свое послание к десяти словам, которые были неправильно поняты в Перу и в довершение основательно перевраны при двойном переводе. Но их оказалось вполне достаточно, чтобы, как мне стало известно впоследствии, вызвать переполох в официальных кругах.

Телеграмма пришла из Южной Америки и поэтому поступила не в мое министерство, а в Министерство иностранных дел. Там лишь установили, что депеша, по-видимому, передана с Огненной Земли и, кажется, зашифрована. Срочно запросили Министерство обороны, в котором никак не могли расшифровать код или хотя бы собрать какие-нибудь сведения о таинственном канадском агенте, засланном в район мыса Горн.

Клубок распутался совершенно случайно. Несколько недель спустя один из заместителей министра иностранных дел, завтракая с высокопоставленным чиновником из моего министерства, рассказал ему нашумевшую историю и случайно упомянул, что загадочная депеша подписана каким-то ВАРЛЕЕМ МОНФЭТОМ.

С похвальной (хотя почти необъяснимой) проницательностью сановник признал наиболее вероятным автором радиограммы меня. Однако возникла новая, еще более волнующая загадка: кто разрешил мне отправиться на Огненную Землю? В результате полетели срочные радиограммы, адресованные мне через канадского консула в Чили, с требованием немедленно прислать объяснения в Оттаву.

Ни одно из этих предписаний до меня не дошло. Даже если бы их направили по прямому пути, я бы их все равно не получил – ведь батареи рации годились всего на шесть часов работы. До того как они окончательно сели, мне удалось поймать только одну передачу – концерт легкой музыки из Москвы.

Но вернемся к моему повествованию.

К тому времени, когда я закончил разговор с Перу, совсем стемнело, и окружающие холмы, казалось, вплотную придвинулись ко мне. Волков пока не было, но они, как легко понять, в сильной степени занимали мое воображение, и, когда вдали промелькнула какая-то тень, я сразу понял – это волки.

Напрягая слух, я уловил слабый, но взволновавший меня звук, который мгновенно узнал. Мне неоднократно приходилось слышать его и раньше, правда не в дикой местности, а в ковбойских фильмах. Тут не могло быть ошибки – это вой волчьей стаи, несущейся в бешеной погоне, причем направляются они явно в мою сторону. Итак, мне, вероятно, удастся выполнить по крайней мере одно задание – я вот-вот «установлю контакт с изучаемым объектом».

Но радость от сознания верности долгу омрачилась целым рядом обстоятельств, среди которых не последнее место занимал тот факт, что в моем револьвере всего шесть зарядов, а я, хоть убей, не помню, куда засунул запасные патроны. Вопрос этот имел немаловажное значение: будучи весьма начитан по своей части, я знал, что число волков в стае колеблется от четырех до сорока. Более того, если судить по разнообразию голосов, я склонен был предположить, что эта стая насчитывает по меньшей мере четыре сотни хищников.

Приполярная ночь вплотную надвинулась на меня, волки тоже вот-вот нагрянут. В темноте я, конечно, не смогу как следует определить ни их численности, ни тем более характера повадок. Поэтому я предпочел за благо спрятаться под перевернутую лодку, чтобы присутствие человека не слишком бросалось в глаза и не вызывало у животных тенденции к нетипичному поведению.

Как известно, один из основных принципов современной биологии заключается в том, что наблюдатель ни при каких условиях не должен допускать, чтобы его внимание рассеивалось. Вынужден, однако, честно признаться, что в сложившейся обстановке я так и не сумел сконцентрироваться надлежащим образом. Особенно меня беспокоила мысль о каноэ. Непрочная парусиновая лодка на тонком кедровом каркасе вряд ли выдержит грубое обращение, и тогда я останусь вовсе без средств передвижения. Что же касается второго источника беспокойства, то его крайнюю необычность мне хотелось бы подчеркнуть особо как наглядное свидетельство нелогичности человеческого мышления при отсутствии должного дисциплинирующего контроля. Дело в том, что я поймал себя на горячем желании превратиться в беременную эскимоску.

Находясь под лодкой, я, разумеется, не мог видеть, что происходит снаружи, поэтому мне пришлось положиться на другие органы чувств. Я услышал, как стая примчалась на полном ходу, описала круг у груды моего снаряжения и кинулась прямо к каноэ.

Ужасающий вой, лай и визг почти оглушили меня; от невыносимого шума у меня начались галлюцинации – мне почудился среди общего рева хриплый человеческий голос. Звучал он примерно так:

СТОЙЧЕРТВАСПОБЕРИСУКИНЫДЕТИ!

Затем послышались удары, болезненный визг, и внезапно наступила удивительная тишина.

Я потратил годы, стремясь научиться делать правильные выводы из наблюдаемых явлений, но с подобной ситуацией столкнулся впервые. Это было выше моего понимания. Требовались дополнительные факты. С величайшими предосторожностями я глянул одним глазом в щель между планширом каноэ и льдом. Сперва ничего не было видно, кроме множества волчьих лап, но внезапно мое внимание приковала пара конечностей – единственная пара, которая явно не принадлежала волку. Мобилизовав все свои дедуктивные способности, я сразу же отыскал ответ, спокойно приподнял борт каноэ, высунул голову и уставился в смущенное, слегка испуганное лицо молодого человека, закутанного в оленьи меха.

Вокруг него, глядя на меня с глубочайшим подозрением, сгрудились четырнадцать огромных грозных хаски, составлявших упряжку. Что же касается полноценных волков, то, признаюсь чистосердечно, их нигде не было видно.

5

Контакт!

Обидно, конечно, что первая встреча с волками вылилась в невстречу, но судьба меня вознаградила.

Хозяин упряжки оказался траппером, сыном эскимоски и белого, да еще и владельцем избушки всего в нескольких километрах отсюда. Это же идеальное место для моей постоянной базы. Майк – так звали молодого охотника – был единственным человеческим существом, обитающим на площади в двадцать пять тысяч километров, если не считать горстки эскимосов (включая семейство его матери), которые жили в ста километрах к северу. Это меня очень обрадовало. Теперь я мог быть уверен, что пагубное влияние человеческого присутствия моим наблюдениям не грозит.

Поначалу Майк отнесся ко мне довольно сдержанно, чтобы не сказать – подозрительно. За все свои восемнадцать лет он не слышал, чтобы самолет сел в этой части Бесплодных земель, да и видел их всего два-три, и только высоко над головой. Не удивительно, что он никак не мог представить, как это самолет, которого не было ни видно, ни слышно, высадил меня с кучей багажа на лед посреди его озера. С самого начала нашего знакомства Майк был склонен считать мое появление делом рук нечистого. От своего отца-торговца он узнал о христианстве как раз достаточно, чтобы остерегаться дьявола. И решил подстраховаться соответственно. Первые несколько дней Майк не выпускал из рук своего карабина и выдерживал приличное расстояние. Но стоило угостить его «волчьим соком», как он отложил винтовку в сторону, решив, по-видимому, что, даже если я и в самом деле черт, соблазн слишком велик, чтобы ему противиться.

Вероятно, так и не придумав, что еще со мной можно сделать, Майк в первую же ночь привел меня в свою избушку. Построенная из жердей, крытая гниющими оленьими шкурами, она едва ли могла показаться дворцом, но для моих целей вполне годилась.

Перед отъездом из Оттавы начальство разрешило мне нанимать вспомогательных рабочих из местного населения при условии, однако, чтобы весь расход по этой статье не превышал трех долларов в месяц. Я немедленно заключил сделку с Майком и выдал ему официальную долговую расписку на десять долларов в оплату жилья на три месяца вперед, а также его услуг в качестве проводника и помощника. По сравнению с тем, как в подобных случаях рассчитывались с эскимосами правительственные учреждения, миссии и фактории, это была сказочная плата. Впрочем, я не сомневался, что наш финансовый отдел примирится с подобной расточительностью; должны же они учесть, что без Майка мой отдел потеряет снаряжение стоимостью в четыре тысячи долларов, едва растает лед на озере.

Правда, в ходе дальнейших событий мне показалось, что сделка с Майком носит несколько односторонний характер. Очевидно, Майк не совсем точно понял смысл принятых обязательств, но, во всяком случае, пока он перевез на собачьей упряжке весь мой груз к своему дому.

Последующие дни я был страшно занят распаковкой снаряжения и устройством походной лаборатории и волей-неволей оккупировал почти всю избушку. Мне было совершенно не до Майка, но все же я заметил, что он чем-то угнетен.

Поскольку он казался молчаливым от природы (со всеми, кроме своих собак), а познакомились мы совсем недавно и вмешиваться в его личные дела мне было попросту неудобно, я не стал выяснять причину его дурного настроения, а попытался развлечь его и время от времени демонстрировал перед ним то одни, то другие приборы.

Казалось, они подействовали на его воображение, но желанного эффекта не произвели. Мало того что Майк не развеселился – он только пуще помрачнел. А после того, как я показал ему цианистый «истребитель волков» и объяснил, что отрава убивает мгновенно, причем действует в ничтожном количестве, так что обнаружить ее почти невозможно, поведение Майка сделалось и вовсе ненормальным. Он повсюду стал таскать длинную палку и, прежде чем сесть за стол, весьма странным образом колотил ею по стулу и даже по тарелке с едой. К тому же по утрам он начал тыкать палкой в свою обувь и одежду.

В другой раз, когда я вытащил четыре сотни мышеловок, которыми собирался ловить мелких млекопитающих, чтобы по ним затем определять содержимое желудков волков, и объяснил, как вываривать скелеты мышей для коллекции, Майк молча вышел из избушки и с тех пор решительно отказывался разделять со мной трапезу.

Должен, однако, признаться, что такое поведение Майка не очень меня обеспокоило. Обладая кое-какими познаниями в области психологии, я без труда распознал в нем симптомы замкнутости. Тем не менее я решил вывести его из состояния болезненной самоуглубленности. Как-то вечером я заманил его в угол, где размещалась моя походная лаборатория, и с гордостью разложил перед ним набор блестящих скальпелей, хирургических ножниц, кюветок и прочих хитроумных инструментов, которыми намеревался пользоваться при вскрытиях трупов волков, оленей и других животных. Объяснять Майку, что такое аутопсия, было довольно сложно, поэтому я взял учебник патологии, открыл его на развороте с цветным изображением вскрытой брюшной полости человека и, пользуясь этим наглядным пособием, увлеченно продолжал свою лекцию, как вдруг почувствовал, что лишаюсь аудитории: Майк медленно пятился к двери, в его черных глазах нарастал ужас. Нетрудно было догадаться, что все только что мною сказанное истолковано им совершенно превратно. Я вскочил, пытаясь разуверить его, но, испуганный этим движением, он повернулся и опрометью выбежал из избушки.

Я увидел его только на следующий день, когда вернулся из тундры, где ставил мышеловки. Он увязывал свои нехитрые пожитки, видимо, готовясь в дальний путь. Сдавленным голосом, торопясь и глотая слова, он пролопотал, что его настоятельно вызывают в становище эскимосов к больной матери, где ему, вероятно, придется задержаться. С этими словами он выбежал к собакам, которые были уже запряжены, и на бешеной скорости умчался в северном направлении.

Меня очень опечалил отъезд Майка – ведь теперь я остался в полном одиночестве, один в окружении волков. С научной точки зрения, пожалуй, это даже неплохо, но жутковатая атмосфера, как в «Собаке Баскервиллей», казалось, сгустилась вокруг меня в этом безлюдном, выметенном ветрами краю. Нужно сказать, что я еще окончательно не решил, каким образом следует знакомиться с волками, и очень рассчитывал, что при первой встрече меня представит Майк. Но, что ни говори, болезнь матери, безусловно, важнее всех моих научных забот (хотя мне и сейчас невдомек, откуда Майк мог узнать, что его мать захворала).

Итак, первоочередную и самую тяжелую задачу – установить контакт с волками – мне пока не удалось решить, и я занялся подготовкой графиков и таблиц полевых работ. Программа их была детализирована до предела. Так, например, только в разделе «Половое поведение» насчитывалась пятьдесят одна подтема, и каждая требовала глубокого изучения. К концу недели у меня кончилась бумага. Настало время выйти в поле.

Мне, как новичку, следовало соблюдать осторожность, осваиваясь в Бесплодных землях. Поэтому на первый раз я удовлетворился кольцевым маршрутом вокруг избушки в радиусе трехсот метров.

Эта экспедиция мне много не дала, если не считать находки четырех или пяти сотен оленьих скелетов; по существу, вся окружающая территория была, точно ковром, покрыта костями карибу. А раз трапперы никогда не стреляют в карибу, как я узнал в Черчилле, – значит, их зарезали волки. Таков был трезвый научный вывод. Если принять, что норма убыли оленей одинакова во всем районе, то по обнаруженным скелетам можно судить, что только в Киватине волки губят в среднем двадцать миллионов оленей в год.

Прошло три дня после обескураживающей прогулки по кладбищу костей, прежде чем я смог выбрать время для следующей вылазки. Вооруженный

винтовкой и револьвером, я прошел около полукилометра, но волков не встретил. Зато с большим удивлением заметил, что плотность покрова из останков карибу уменьшается по мере удаления от избушки почти в геометрической прогрессии. Меня крайне озадачило, что волки выбирают место для страшной бойни почему-то поближе к человеческому жилью, и я решил расспросить об этом Майка, если, конечно, когда-нибудь его увижу.

Тем временем в Бесплодные земли нагрянула стремительная весна. Снег таял так быстро, что замерзшие реки не успевали унести талую воду, и она поднялась метра на два над поверхностью льда. Наконец лед с грохотом тронулся, но тут же образовались заторы, и паводок затопил избушку, принеся с собой нечистоты, скопившиеся за долгую зимовку четырнадцати ездовых собак.

Постепенно заторы прорвало, и вода сошла, но избушка потеряла прежнюю прелесть, так как на полу остался отвратительный осадок. Поэтому я был вынужден разбить палатку на галечной гряде, чуть повыше избушки. Но заснуть мне той ночью помешали какие-то странные звуки. Я мгновенно сел в постели и внимательно прислушался.

Звуки доносились с севера, из-за реки, – какая-то смесь воя, хныканья и жалобных стонов. Вскоре я разжал руку, которой схватил винтовку. Уж если научные работники чем и сильны, так это умением учиться на опыте: меня, например, дважды не одурачишь. Конечно, воет хаски, и, по-видимому, молодая, из чего я заключил, что это одна из собак Майка (у него как раз было три больших, но еще не выезженных щенка, которые бегали за упряжкой). Очевидно, пес заблудился, по следу вернулся домой и теперь молит о внимании и помощи.

Я был растроган. Если щенок нуждается в друге-приятеле, пусть располагает мной! Я быстро оделся, сбежал к реке, вскочил в каноэ и стрелой помчался на другую сторону.

Щенок ни на минуту не прекращал горестных стенаний, и я уж совсем собрался откликнуться, но вовремя сообразил, что чужой человеческий голос спугнет его. Лучше незаметно подкрасться вплотную и ласково подманить бедняжку.

По силе доносившихся звуков можно было судить, что собака находится всего в нескольких шагах от берега. Но когда в тусклом полусвете я выскочил из лодки,

пересек полосу щебня и перебрался через галечные косы, звуки слышались все на том же расстоянии. Ясно – щенок отбегает, вероятно, боится меня. Чтобы не отогнать его, я старался двигаться бесшумно, даже когда жалобный вой прекратился и направление пришлось определять наугад. Впереди замаячила крутая гряда, и я решил, что, поднявшись на ее вершину, смогу обозреть окрестности и определить местонахождение заблудившегося зверя. Последние метры, оставшиеся до гребня, я прополз на животе (помогло искусство разведчика, приобретенное еще в бойскаутах) и затем осторожно приподнял голову – вот он, мой песик.

Мы столкнулись нос к носу. Нас разделяли каких-нибудь два метра. Он лежал, очевидно, отдыхая после минорного концерта. Мы молча уставились друг на друга. Не знаю, что происходило в его массивном черепе, но моя голова наполнилась роем тревожных мыслей. Прямо на меня пристально глядели янтарные глаза матерого тундрового волка; скорее всего, он был тяжелее меня и, бесспорно, гораздо лучше владел техникой рукопашного боя.

Несколько секунд никто из нас не двигался, мы продолжали взглядом гипнотизировать друг друга. Волк первым разрушил чары. Прыжком, какой сделал бы честь даже русским танцорам, он взвился в воздух почти на метр и пустился наутек. Как утверждают учебники, волки могут развивать скорость до сорока километров в час, но этот волк, казалось, не бежал, а летел на бреющем полете. Через несколько секунд он скрылся из вида.

Моя реакция была не столь динамичной, но не удивлюсь, если и я установил рекорд в беге по пересеченной местности. Переправляясь через реку, я так разогнал каноэ, что оно во всю длину выскочило на сушу. Затем, вспомнив о возложенной на меня ответственности за снаряжение, я вошел в избушку и запер дверь на засов. Я старался не обращать внимания на зловоние, которое поднималось от залитого нечистотами пола, и устроился на столе, чтобы провести остаток короткой ночи тут.

Ну и ночка! Зато теперь я имел полное право поздравить себя: наконец-то установлен контакт с изучаемым объектом – неважно, что встреча была мимолетной.

Логово

Уснуть не удавалось. Стол оказался слишком коротким и жестким, воздух в избушке чересчур спертым, а впечатления от недавней встречи с волком – необыкновенно яркими. Напрасно я пробовал «считать овец» – они неизменно превращались в волков, а это окончательно прогоняло дремоту. Когда же под полом заскреблась какая-то мышка, необыкновенно точно подражая звукам, которые издавал бы волк, принюхивающийся под дверью, мне окончательно стало не до сна. Отказавшись от дальнейших попыток, я зажег фонарь Майка и принялся ждать рассвета.

Перед моим мысленным взором возникли события прошедшего вечера. Удивительно, как много, несмотря на краткость встречи с волком, запомнилось подробностей. Волк предстал передо мной так отчетливо, будто я знал его (или ее) долгие годы. В память навсегда врезались массивная голова с пышным воротником белой шерсти, короткие торчащие уши, рыжевато-коричневые глаза и седая морда. Живо запечатлелся образ волка, когда он ринулся прочь от меня: стремительный бег могучего хищника, ростом с небольшого пони; от него, казалось, так и веяло смертельной опасностью.

Чем дольше я раздумывал над событием, тем менее доблестным представлялось мне собственное поведение. Отступление было чересчур поспешным и, пожалуй, недостойным. Впрочем, я тут же утешил себя – ведь волк тоже держался не самым блестящим образом. На сердце сразу сделалось веселее; к тому же взошло солнце и бледным светом озарило суровый мир, лежавший за окном.

По мере того как разгорался рассвет, мне даже стало казаться, что я упустил редкий, возможно, неповторимый случай. Я вдруг осознал, что мне следовало бежать за волком и постараться завоевать его доверие или по крайней мере убедить его в том, что я не питаю злобных намерений ни к нему, ни к ему подобным.

Канадские кукши, прилетавшие ежедневно, чтобы порыться в отбросах перед домом, уже начали свою болтовню. Я разжег печку и приготовил завтрак. Затем уложил в рюкзак немного еды, проверил запас патронов, повесил на шею бинокль и, полный решимости, отправился исправлять вчерашнюю оплошность. Мой план был прост – я направлюсь прямо к тому месту, где лежал волк, отыщу

его след и пойду по нему, пока не обнаружу зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Название книги на английском (Never Cry Wolf) можно интерпретировать по-разному: и как призыв не кричать понапрасну «Волки!», и как обращение к самому волку: «Не плачь, волк». В Советском Союзе перевод вышел под названием «Не кричи, волки!». Почему Ф. Моуэт решил, что русское название звучит как «Волки, пожалуйста, не плачьте», сейчас сложно сказать, однако он явно не возражал против такого прочтения. (Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. ред.)

2

Бесплодными землями (Barren Lands или Barren Grounds) в Канаде принято называть районы тундры и лесотундры, простирающиеся на запад от Гудзонова залива до Большого Невольничьего озера и на север до Ледовитого океана. (Примеч. перев.)

3

Служба изучения животного мира Канады с 1936 по 1950 год входила в состав Министерства по горнорудной промышленности и природным ресурсам. Сейчас является частью Министерства окружающей среды Канады.

4

Трапперы – охотники на пушного зверя в Северной Америке.

5

Карибу – название североамериканских подвидов северного оленя.

Купить: https://tellnovel.com/mouet_farli/ne-krichi-volki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити